

А.А. Бурыкин

**НЕЛОГА, ПОГЫЧА, КОВЫЧА –
ЛЕГЕНДАРНЫЕ РЕКИ РУССКИХ
ДОКУМЕНТОВ СЕРЕДИНЫ XVII в.
И СОВРЕМЕННАЯ КАРТА ЧУКОТКИ**

Документы русских землепроходцев XVII в. – ценный этнографический источник по истории народов Северо-Восточной Азии. Большую ценность они представляют и как сокровищница личных имен, этнонимов, топонимов. Эти документы уже много раз становились предметом анализа историков, географов, этнографов и лингвистов. Однако из-за различий в задачах исследований, объеме и характере анализируемых фактов стало нормой, что на основе одних и тех же источников представители разных научных дисциплин делают принципиально различные выводы и в итоге не находят понимания при междисциплинарном обсуждении дискуссионных вопросов. Поэтому многие серьезные проблемы этнонимики и топонимики Северо-Восточной Азии подчас десятилетиями не находят своего разрешения, а неточности и поспешные выводы, допускаемые при комментировании источников, столь же длительное время остаются без необходимых корректировок.

Темой настоящей статьи являются названия трех рек, которые в предшествующей традиции изучения истории русских географических открытий считаются легендарными, – Нелога, или Нерога, Погыча и Ковыча. Данные гидронимы в имеющейся литературе отождествлялись с различными географическими объектами, однако их происхождение и даже языковая принадлежность так и не получили объяснения. Мы поставили перед собой задачу восполнить этот пробел и подвергнуть комплексному филологическому анализу документы, содержащие сведения об этих легендарных реках. Мы проанализировали как содержание документов, так и имеющийся в них ономастический материал.

В результате предпринятого исследования выяснилось, что часть ранее высказанных мнений основывается на неверном или субъективном прочтении документов. Локализация всех этих названий на местности, основанная на современных топонимических материалах, позволила установить и языковую принадлежность, и смысл данных названий. Этнонимы, зафиксированные теми же документами, как и рассматриваемые топонимы, подтвердили предположение о том, что языковая основа последних представляет чукотско-корякскую группу. При проверке сделанных заключений на основе анализа антропонимов – личных имен *ясырей* и *аманатов*, указанных в тех же источниках, был получен результат, который нашел подтверждение и в информации этнографического характера, сообщаемой данными источниками.

Учитывая сложность и многолетнюю дискуссионность рассматриваемых вопросов, автор далек от мысли расценивать сделанные выводы как абсолютно бесспорные. Очевидно, что топонимический, этнонимический и антропонимический материал документов об открытии и освоении Восточной Сибири требует более пристального внимания со стороны лингвистов. Его анализ может привести к очень интересным и неожиданным выводам.

Нелога, или Нерога

Первые сведения о р. Нелога, или Нерога, датируются 1642 г. В наказной памяти Дмитрию Зыряну, где воспроизводятся выдержки из «расспросных речей», говорится: «В нынешнем во 150 году [17150 г. от сотворения мира, или 1642 г. от рождения Христова] Енисейской служивой человек десятник Елеса Буза привез в Якутской острог трех аманатов юкагирских, шамана Балганча, да Имгонту, да Далгунта, а в якутском остроге те аманаты сказывали, есть де река именем Нерога, а прилегла де

та Нерога вершиною блиско Индигерской реке, ходу де с той реки Индигерской на Нерогу на оленях безо вьюков неделя, и к Янской де вершине та же Нерога вершиною прилегла, а от янской де вершины до той реки Нероги оленного ходу месяц, и пала де та Нерога река в море своим устьем, а на той де реке Нероге от устья морского недалече в горе, в утесе над рекою серебряная руда, а повыше де той серебряной руды немного на той же реке живут люди на яру род Наттыла, юрты де деланы у них в земле, и у тех де людей серебра много, а люди те пешие, оленей у них и лошадей нет, а река де рыбна добре»¹.

В «расспросных речах» Лавра Григорьева и Ивана Ерастова 1644 г. мы читаем: «И тот де Ковымской князец ему Лаврушке в роспросе сказал, есть де река Нелога за Ковымою рекою пала в море своим устьем; а по той де реке Нелоге блиско моря в реке в утесе руда серебряная; а люди де живут у той горы пешие да на одном месте в земляных юртах, а род де у них и язык свой, не юкагири, а называютцо де они нанками... А от той де реки Нелоги от вершины пошла река Чюндона, а впала де та река Чюндона блиско моря в Ковыму реку, а люди де по той реке (...) живут юкогири, а в вершине де живут на той реке люди род свой, рожи у них писаные. И с Нелоги де реки приходят натты от серебряные руды на ту Чюндону на вершину к писаным рожам торговать, а временем де с ними и дерутся. А продают де те нелогские люди писаным рожам серебро да одекуй, а те де писаные рожи им продают олени да бабы»². В другом документе уточняется: «А в вершине и по Камени живут акнемила, писаные же рожи... А род их, нелоских мужиков называют натты»³.

По поводу идентификации р. Нелоги высказывались разные мнения. М.И. Белов полагал, что и Нелога, и Погыча, о которой пойдет речь ниже, – это р. Чаун⁴. Н.Н. Степанов считал, что в данном случае имеется в виду р. Амур и в документах произошло смешение сведений о разных реках Арктического и Охотского побережья; и если Нелога – это Амур, то «натты» – это нанайцы⁵.

Однако, во-первых, в примечаниях к упомянутым документам М.И. Белов указывает, что недалеко от Нелоги находится р. Каленьба, или Каленьва; по его же верному определению, – это р. Кооленьваам («Пестрых утесов река»)⁶. Ясно, что здесь имеется в виду р. Калсмываам, верховье р. Паляваам, которая впадает в Чаунскую губу. Такое же название – Каленмыт – имеют речки-притоки р. Гиркувеем в бассейне той же р. Паляваам⁷. Во-вторых, «натты» (видимо, точнее, «нанки») живут «в земляных юртах» и «колют спицами» моржей, чего нанайцы никогда не делали и не могли делать. Этнографические сведения в данном случае абсолютно надежны, чего нельзя сказать об истолкованиях названий мест и народов. Следовательно, в документах говорится о Северо-Востоке Азии, а не о Приамурье.

Между тем р. Нелога и даже та гора, о которой идет речь в документах, до сих пор находятся на том самом месте, которое указывают документы 40-х годов XVII в., и даже носят те же названия. Более чем вероятно, что р. Нелога – это р. Наглейныневем в верховьях р. Раучуа, а «серебряная гора» – гора и мыс Наглейнын недалеко от берега Чаунской губы. Название горы явно чукотское: Ныглейнын – «большая зимняя кухлянка из оленьей шкуры»⁸. Народ *нанки*, *натты*, *наттыла* – это приморские чукчи-ан'к'альит, их соседи – «писаные рожи» – это скорее всего оленные чукчи или группа чукчей, которая занималась и оленеводством, и морским промыслом. Название народа *акнемила*, примененное к этим «писаным рожам»⁹, объясняется из чукотского языка как *ан'к'анымыльыт* – «приморские оседлые», хотя по форме оно ближе не к чукотскому слову, а к соответствующему корякскому *ан'к'анымылг'о* с тем же значением; форма *немила* определенно читается как чукотская форма эргативного падежа *нымыльа* или как корякская форма множественного числа от названия и самоназвания оседлых коряков *нымылг'у*. Возможно, в XVII – начале XIX в. некоторые диалекты чукотского языка имели большую степень сходства с языком коряков, нежели современный чукотский язык, данными которого мы пользуемся.

Те историки, для которых упомянута в цитированном выше документе р. Чюндона – это непременно р. Гижига, верховья которой долгое время назывались Чендон, или Чондон, считали, что в нем имеется смешение названий рек низовьев Колымы и Охотского побережья¹⁰. Но по-юкагирски *чандэ*, *чанду* – это «верх», «верховье реки», т.е. обозначение, применимое к любой реке и не являющееся ее названием. В интересующем нас случае р. Чюндона – это, как правильно отмечено, р. Малый Анюй¹¹.

Наказная память Дмитрию Зыряну содержит имена трех «юкагирских» аманатов: «шамана Балганча, да Имгонту, да Далгунта». Балганча из этого документа и Пороча из других документов – одно и то же лицо; о нем же говорится и в других документах. В «расспросных речах» Прокопия Козлова читаем: «...И на море поймали мы юкагирского князца Билгия»¹². Видимо, упоминаемый в этом документе Прокопий Козлов и Пров Лазарев, о котором сообщают другие документы, рассказывающие о Нелог¹³, – одно и то же лицо. Имя Пронька по-разному понято издателями, отчество и прозвище в документах часто заменяют друг друга, хотя размер собранного ясака, указанный в цитируемых документах, – один и тот же. Следует полагать, что речь идет о том же самом аманате.

Имя Билгей, или Балганча, как и имя Далгунта, не может быть юкагирским. В юкагирском языке почти нет слов с начальными звонкими согласными¹⁴. Два из трех имен аманатов содержат известный компонент чукотских личных имен *-нто*. Имя второго аманата читается по-чукотски как Энъанто («Родившийся утром»). Имя третьего могло выглядеть как Тылгынто («Родившийся в оттепель»), от чукотского *тылгытыл* – «оттепель», или как Талганто – от *тэлгэтык*, *тэлн'этык*, т.е. «сопеть», «задыхаться». Зная особенности употребления личных имен чукчей (в традиционном этикете они используются редко), мы можем серьезно сомневаться в том, что они назвали в «расспросных речах» свои подлинные имена, а не придумали себе первые попавшиеся. Имя «ковымского князца шамана», рассказавшего о Нелог¹⁵, толком не поддается прочтению и в разных документах выглядит по-разному, хотя он и называется «ковымским» (но никогда не называется юкагиром). Если Балганча (он же Билгей, он же Пороча в наиболее поздних расспросах) не юкагир, а чукча из приморских жителей – «ан'к'алыт», то становится понятным, почему он называет топонимы чукотского происхождения и почему он так хорошо знает топонимию приморского Заколымья.

Сравнение названий рек Нелога и Нерега (последняя – приток р. Боханча в бассейне Колымы), предлагающееся в примечаниях к сборнику цитируемых документов, не выглядит обоснованным. Название Нерега происходит от эвенского слова *нерега* – «заря»¹⁵, хотя более приемлемым было бы сравнение его с эвенским *норигэ* – «хариус»¹⁶.

Указание на то, что Нелога «пала в море», не противоречит сказанному выше. Возможно, что под названием Ныглейн'ынвеем в то время понималась вся р. Раучуа, которая действительно впадает в океан. Название р. Раучуа отличается от других чукотских гидронимов, так как не имеет элемента *-вээм* («река»). Обычно названия такого типа переносятся на реки с других объектов, например с названий местностей. Возможно, название р. Раучуа более позднего происхождения, нежели название Ныглейн'ынвеем¹⁷.

Кроме того, сообщения о расстояниях до Нелоги от «Индигирской реки» и «Янской вершины» не могут пониматься буквально из-за того, что мы не знаем достоверно, что понималось под названными в качестве исходных ориентиров объектами. Видеть здесь реки Индигирку и Яну едва ли возможно. Если название р. Индигирка (в документах середины XVII в. – Индигерь, Индигирь) восходит к чукотскому слову *ынырыйыр* (утес), а «Янская вершина» может быть понята как *янра+н'ай* (отдельная гора) (ср. распространенный чукотский топоним *Янранай*), то от какого утеса до Нелоги ходу неделя и от какой вершины – месяц, разумеется, совершенно невозможно установить.

Вместе с тем рассказы о таинственной серебряной горе на Западной Чукотке имели свое продолжение уже в наше время в среде геологов. О серебряной горе Пилахуэрти-нейка писал О.М. Куваев в ранней книге «Два цвета земли между двух океанов», где отмечается, что на Омолоне был найден самородок серебра¹⁸.

Погыча

Погыча – название реки, лежащей где-то к востоку от Колымы и являвшейся первоначально главной целью походов землепроходцев морем на восток. Существуют две точки зрения по поводу этого названия. Они были высказаны в этнографических трудах конца XIX в. и используются географами без ссылок на первоисточники. В.Г. Богораз считал, что Погыча – это современная Пахача на северо-востоке Камчатки¹⁹, А.В. Олсуфьев полагал, что Погыча – это р. Погынден, приток Малого Анюя²⁰.

Оба мнения не являются обоснованными: аборигены низовьев Колымы не могли знать о Пахаче на Камчатке; р. Погынден, вопреки указаниям о Погыче, в море не впадает. Распространено утверждение, что Погыча – это р. Анадырь²¹; М.И. Белов полагал, что Погыча, как Нелога и Ковыча, – это р. Чаун²².

Считается, что первым узнал о р. Погыча Иван Ерастов. В 1646 г. якутские воеводы докладывали: «Ивашко Ерастов с товарищи 40 человек в роспросе сказали, что де они отведали ныне новую землю: вышед из Ленского устья итигь морем в правую сторону под восток за Яну и за Собачью [Индибирка. – А.Б.], и за Олозейку и за Ковыму реки – новую Погычю реку. А в тое де, государь, Погачю реку впали иные сторонние реки. А по той Погыче и по иным сторонним рекам живут многие иноземцы разных родов неясачные люди, а ясаку никому нигде не платят. И наперед де, государь, сего и по се число на той реке русских людей никою не было»²³.

26 апреля 1647 г. Михаил Стадухин показывал: «А от Колымы де до реки ж, что выше той Колымы, сказывают, Пагыча, а до ней от Колымы парусным погодем бежать сутки трои и больши»²⁴. В 1648 г. на Погычу был послан Иван Баранов с 35 людьми «горою», т.е. по суше, но поход оказался безуспешным: казаки «горою не дошли и пришли на Ковыму реку плачючи»²⁵.

Известно, что в 1649 г. Михаил Стадухин и Василий Бугор «пошли морем вместе на Погычю реку, а назад с моря пришли в Ковыму реку сентября в [7] день»²⁶. Юрий Селиверстов говорил: «Как де ходили с Ковыми реки служилые люди Михайло Стадухин с товарищи на новую на Погычю реку, и они де ту кость собирали на берегу, а лежит тут на берегу кость многая...»²⁷. Позднее стало известно, что на Погычу все же можно попасть по суше: «И в том же во 158 [1650 г.] году ведомо ему, Мишке, учинилось, что де Погыча река через гору блиско»²⁸.

Единственный документ, дающий основание отождествлять Погычу с р. Анадырь, – это отписка самого Стадухина: «Посланы мы служилые люди Михалко Стадухин с товарищи на государеву службу на новую реку Погычю и на Анандырь та же река»²⁹. Остальные документы либо прямо противоречат этому, либо не дают в целом основания для такого отождествления. Когда воевода Д. Францбеков писал, что ему нужно «на новые на Погычю реку и на Анандырь тож по тридцати человек»³⁰, он явно имел в виду две реки – иначе бы не просил «по тридцать человек» на каждую. В одном из документов сообщалось, что на Погыче служат 10 человек³¹. В 1651 г. Иван Акинфов докладывал, что на Погыче служат два человека³². Из челобитной Ивана Федорова Казанца от 1655 г. тоже не явствует, что Погыча и Анадырь – одна и та же река: рассказывая о плавании Стадухина, длившемся «семеры сутки», он Погычи не называет, но говорит, что он ходил со Стадухиным «сухим путем на Анадырь, и на Погычу»³³.

На основании челобитной Семена Моторы, где упоминаются и Погыча, и Анадырь, нельзя, вопреки мнению ряда ученых, сделать вывод, что это одна и та же река; слова «та ж Анадырь река» не относится к Погыче. Семен Мотора говорит, что Стадухин

собирается «на ту же Анадырь реку», что проведали «служивые и промышленные люди нашего полку»³⁴.

Есть одна примета месторасположения р. Погыча, ускользнувшая от внимания исследователей. В наказной памяти Стадухину от 1647 г. ему поручается «велеть служивым людям проведывать, и самому ему промышленных людей спросить про тот остров, что в мори против Погычи реки, Новая Земля, есть ли на том острове морской зверь морж...»³⁵. Возможно, составитель наказной памяти узнал об острове напротив устья реки из какого-то не дошедшего до нас источника. Вероятно, таким источником была «Скаска» самого Стадухина, составленная в 1647 г. В ней говорилось: «И была де у него [Стадухина. – А.Б.] жонка погромная колымская ясырка именем Калиба, а та жонка жила у тех мужиков, у чюхчей, 3 годы, и она де ему сказывала... И те де чюхчи по сю сторону Колымы от своего жилья с той речки зимою чюхчи переезжают на оленех на тот остров одним днем. И на том де острове они побивают морской зверь морж, и к себе привозят моржовые головы со всеми зубами, и по своему де они тем моржовым головам молятца... А промышленные де люди ему сказывали, что они у тех чюхчи тот моржовый зуб видели, кольца де у них оленных санок все того одного моржового зуба»³⁶.

«Колымская ясырка именем Калиба» – это почти наверняка чукчанка с именем Кэлевьи («Дышущая духами»). Оба составляющих это имя корня и само имя часто встречаются у чукчей в составе личных имен и современных фамилий. Ничто не свидетельствует о том, что она была юкагиркой. То, что она жила «у тех мужиков, у чюхчей, 3 годы», говорит о том, что она скорее всего была родом из приморских чукчей-ан'к'альыт ("нанки" из рассказа о Нелоге). Название *чюхчи*, или *чукчи*, происходит от самоназвания оленных чукчей *чавчыв* и в старых документах или в источниках сведений, полученных от представителей других народов, относится именно к оленным чукчам³⁷. Тогда остров, о котором она рассказывала, – это о-в Айон. Он действительно будет виден «в виду от матерой земли на левой руке», если плыть из Чунаской губы на запад, но с левой стороны будет не сам остров, а материк. До о-ва Айон с побережья в самом деле можно доехать на оленях «одним днем»: Малый Чаунский пролив имеет ширину 15 км³⁸.

Сомнительно, чтобы в рассказе про остров против устья Потыги речь шла о каком-то из Медвежьих островов, – от побережья до о-ва Четырехстолбовый более 100 км; самый близкий из островов – Крестовский – находится на удалении около 30 км от берега, но ближайшие к названным островам участки побережья находятся на значительном удалении друг от друга и даже по разные стороны колымской дельты. На Медвежьих островах чукчи, несомненно, бывали, но лишь о-в Крестовский мог быть достижим на оленьих нартах «одним днем». Более вероятно, что остров против устья Потыги – это именно Айон.

Река с названием Погыча изображалась на картах довольно длительное время и после того, как это название исчезло из письменных документов. На карте Ф. Миллера начала 50-х годов XVIII в. Погыча и Анадырь – две разные реки, при этом Погыча (Pogitscha geke) впадает в Ледовитый океан к востоку от Колымы.

Имеется достаточно оснований, чтобы утверждать, что Погыча – это р. Пучевеем (по-чукотски Пучьэвээм), которая впадает в Чаунскую губу. Название р. Пучевеем (Пучьэвээм) легко объясняется из чукотского языка: *почьалгын* (мн. ч. *пучьэт*) – «рукав», «рукав реки»³⁹. Как раз напротив ее устья находится о-в Айон. На современной карте Чукотки истоки р. Пучевеем располагаются примерно в 30 км к северо-западу от истоков Малого Анюя, а отдельные притоки этих рек почти соприкасаются верховьями – сообщение, что «Погыча река через гору blisko» было верным. То, что Погычу перепутали с Анадырем, объяснимо теми же обстоятельствами: истоки Анадыря лежат очень близко к истокам двух названных выше рек.

Расстояние от устья Колымы до устья Пучевеема, сообщаемое в документах («парусным полодьем бежать сутки трой и больше»), согласуется с тем, что мы о нем знаем. Форма «Погыча», вероятно, отражает реальное произношение: в чукотском

написании данного гидронима Пучэвээм знак ь обозначает гортанный смычный согласный. Для сравнения отметим, что расположенная неподалеку р. Паляваам по-чукотски называется *Пьяляваам*, а на карте Ф.П. Врангеля обозначена как Пахля.

Говоря о «Погыче», следует подчеркнуть, что предметом поисков географов была река, которая имела бы похожее название и впадала бы непосредственно в океан, причем безразлично, в какой – Ледовитый или Тихий. В ходе этих поисков почти замкнутое пространство Чаунской губы просто вышло из поля зрения. Между тем побережье Чаунской губы и прилегающие к нему районы суши были достаточно хорошо известны из расспросов «иноземцев», хотя результаты расспросов истолковывались не всегда правильно. О-в Айон не обнаружили ни Исая Игнатъев, первым достигший района Чаунской губы, ни Семен Дежнев, проплывший мимо него. Мог не заметить острова, а точнее два нешироких пролива, отделяющих этот остров от материка и несоизмеримых с размерами острова, и Михаил Стадухин.

Любопытно, что название р. Погынден, с которым сравнивал гидроним «Погыча» А.В. Олсуфьев, может истолковываться из юкагирского языка как *Погындин-эун* («река погыцких людей»). Вполне возможно, что так юкагиры называли обитателей бассейна Пучевеэма и прилегающих местностей. Слова «погыцкие люди», «погыченские иноземцы» встречаются не в «расспросных речах» казаков, а в наказной памяти М. Стадухину, т.е. наверняка сочинены в якутской канцелярии. Название «погыцкие коряки», о котором писал Б.П. Полевой⁴⁰, в исторических документах не фиксируется.

Другие предположения о местонахождении р. Погыча – вроде попытки привлечь для сравнения название р. Пегтымель – не могут быть обоснованы и остаются на уровне догадок.

Ковыча

Река с названием Ковыча – третья и, кажется, последняя из рек, упоминаемых в документах середины XVII в. и считающихся легендарными. Гидроним Ковыча встречается в текстах документов намного реже, чем названия рек Погыча и Нелога. В указателях к сборникам документов Ковыча, как и Погыча, отождествлена с р. Анадырь. М.И. Белов считал, что за обоими этими названиями, как и за названием р. Нелога, скрывается р. Чаун⁴¹. По мнению Б.П. Полевого, Ковыча – это р. Кавача на северо-востоке Камчатки недалеко от р. Пахача, в которой этот ученый видит Погычу⁴².

Одно из самых ранних свидетельств о Ковыче – наказная память Василию Власьеву от 5 июля 1647 г.: «А за хрептом за Камнем есть большая река Ковыча, а лесу де по ней мало, а люди де по ней аленные живут многие, и по той же реке соболи есть же»⁴³. Еще раньше об этой реке стало известно из расспросных речей Гаврилова-второго, который услышал о ней от колымских юкагиров⁴⁴. Похоже, наказная память переписывает какой-то более ранний текст, возможно, текст расспросных речей.

В 1649 г. Евсей Павлов в своей челобитной просил отпустить его служить с Михаилом Стадухиным «на новой на Анадыре и на Ковыче реке»⁴⁵. Однако данный документ не дает оснований утверждать, что Анадырь и Ковыча – это одна и та же река. Более того, он позволяет проследить, как появилась мысль, что Ковыча – это еще одно название какой-то другой реки, например Погычи, послужившая поводом для увязывания всех непонятных названий с Анадырем или с Чауном. В выписи о службах Евсея Павлова, где почти дословно приводится текст его челобитной, указывается, что Павлов просился служить «на новой на Анадыре и на Погыче реках»⁴⁶. Самое важное место в тексте оказалось исправленным.

Поскольку гидронимы Нелога и Погыча соотносятся с названиями реальных рек, берущих начало на Анадырском плоскогорье и впадающих в Чаунскую губу, представляется закономерным продолжить поиски в этом же регионе.

В документах середины XVII в. не имеется никаких сведений о том, что Ковыча

«пала в море». Однако в «Списке с чертежа Сибирской земли» 1673 г. сообщается о морском пути к местам, лежащим к востоку от Колымы: «А от усть Колымы реки и кругом земли мимо устей рек Ковычи и Нанaborы и Ильи и Дури до каменной переграды, что льды пропустят, и до того камени парусами добегают об одно лето, а как льды не пустят, и по три года доходят, а через тот камень ходу день, а как на него человек взойдет, и он оба моря видит: Ленское и Амурское»⁴⁷.

Прочитав текст «Списка» более внимательно, можно заметить следующее. Если «каменная переграда» – это п-ов Камчатка, то все четыре упомянутых в «Списке» гидронима должны обозначать реки, расположенные между устьем Колымы и «каменной переградой», т.е. либо на Арктическом побережье, либо в северо-восточной части побережья Берингова моря, но никак не на побережье Охотского моря.

Итак, более нет оснований сомневаться в том, что р. Ковыча – это р. Кувет, впадающая в Восточно-Сибирское море восточнее мыса Шелагского. Само название р. Кувет происходит от чукотского *кувэт, куэт* (бухта, небольшой залив)⁴⁸. Хотя на современных картах р. Кувет изображается как приток р. Пегтгымель, название «Кувет» могло быть дано скорее всего по устью реки, впадающей в море.

Встретившийся в «Списке» и столь созвучный с названием р. Анадырь гидроним «Нанабора» стал «ловушкой» для географов и историков географии. Название р. Анадырь в документах XVII в. встречается в разных написаниях (Анандыр, Анандара, Нанандара, Андырь и др.), с некоторыми из них сходно и написание Нанабора. Мало кому известно, что не так уж далеко от устья Пегтгымеля – устья легендарной Ковычи – имеется речка Энматгыр (Энмаатгыр), также впадающая в Ледовитый океан. Еще в 1930-е годы на побережье в устье этой речки находился чукотский поселок с таким же наименованием. Гидроним «Энмаатгыр», означающий в переводе с чукотского «ручей, протекающий в скалах»⁴⁹, точно соответствует по значению и происхождению известному названию р. Анадырь. Кроме того, так называются еще несколько менее известных географических объектов на Чукотке.

Гидроним «Илья» ассоциируется у географов с хорошо известным названием р. Улья – первой из открытой землепроходцами рек побережья Охотского моря⁵⁰, а упоминание «Амурского моря» едва ли не заставило видеть в загадочном топониме Дури знакомое название местности Дуэ на западном побережье Сахалина.

Гидроним «Илья» в разбираемом документе представляет собой сложный случай для объяснения, вследствие того что по форме он может возводиться к топонимам, составляющим для Чукотки массовый топонимический материал, локализация которых без дополнительных данных практически невозможна. В качестве примера можно привести гидроним Вылгилвеем (Березовая река), из которого и выводится название р. Улья, или Улывеем (Поперечная река), встретившийся в названии р. Ульбея на Охотском побережье. Тот и другой гидронимы по происхождению определенно корякские.

Один из левых притоков Пегтгымеля называется Елвергыргын (чукот. Илвэгыргын, «водораздел»). Правый приток Амгуэмы носит название Ильенейвеем (чукот. йильэнэйвээм, «река, текущая от Евражечьей горы»). Нельзя исключить и того, что здесь отразилось название р. Уквульхвэргын (чукот. Выквылвэгыргын, «разрезающая камни») – правого притока р. Койвельхвэргын (чукот. Койвылвэгыргын, «наледный водораздел»), падающей в море, точнее в лагуну Тынкургин-пильхин, между мысом Якан и устьем Амгуэмы⁵¹.

Разобраться во всех этих названиях трудно, большая часть из них или соотносится с чукотскими географическими апеллятивами – словами «водораздел», «глубокая речка», или является достаточно частотной в чукотской топонимии.

Топоним «Дури», похоже, однозначно отождествляется с названием мыса Дженретлен в восточной части Чукотского моря. Значение и происхождение данного топонима – от чукот. йыррын, йыррыйыр, «мыс» – не вызывает сомнений. В документах и на картах он зафиксирован также как Индилин⁵². Диалекты или говоры

чукотского языка, в которых начальный й- звучит как смягченное д, дж или дз, распространены на северо-западе занимаемой чукчами территории и ныне представлены в Билибинском р-не Чукотки.

Таким образом, получается, что все топонимы из «Списка» 1673 г. соотносятся с названиями географических объектов на Арктическом побережье. На карте Спарвенфельда 1689 г. р. Ковыча показана впадающей в море, как думает М.И. Белов, в Чаунскую губу⁵³, но скорее всего была изображена р. Кувет – правый приток р. Пегтымель, устье которой находится несколько восточнее Чаунской губы. Существует мнение, что современное название р. Пегтымель, ставшее известным благодаря открытию петроглифов, появилось довольно поздно⁵⁴.

У гидронима «Ковыча» кроме названия р. Кувет мог быть еще один источник. Река Белая – один из самых крупных притоков Анадыря – имеет чукотское название Кувлючъывээм, образованное от наименования горы Кувлючъытынуп («Круглый холм»)⁵⁵ и распространяющееся на всю реку, истоком которой считается р. Большая Осиновая. Рядом с этим местом расположены истоки р. Паляваам, в бассейне которой находится совсем не легендарная Каленьба-Каленмываам. Таким образом, те, кто услышал о данной реке, вполне могли узнать и о р. Белой.

Выстраивается довольно стройная система. Истоки всех трех рек, считавшихся легендарными, находятся в районе, удаленном на 150–200 км от истоков Малого Анюя и трех озер западной Чукотки – Илirianей, Тытыль и Эльгыгытгын. Все географические названия левобережья р. Анадырь чукотского происхождения. Река Каленьба-Каленмываам, сослужившая хорошую службу в качестве ориентира для локализации рассмотренных названий на местности, оказалась самым восточным и самым удаленным от Колымы географическим объектом, из числа тех, которым посвящена настоящая статья. Вероятнее всего, названия Нелога, Погыча и Ковыча стали известны землепроходцам не от юкагиров, как было принято думать, а непосредственно от чукчей. Известно, что в Прианадырье юкагиры пришли довольно поздно, по-видимому, всего за несколько веков до проникновения туда русских землепроходцев⁵⁶. Поэтому юкагирские топонимы в этом регионе немногочисленны, а старые чукотские названия географических объектов, прежде всего гидронимы, в целом сохранились хорошо, хотя были зафиксированы и получили дальнейшее распространение в несколько измененном виде.

Примечания

¹ Дополнения к актам историческим. Т. II. СПб., 1846. С. 262.

² Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии. М., 1951. С. 125–126; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М., 1952. С. 44–45.

³ Открытия русских землепроходцев... С. 127.

⁴ Белов М.И. Семен Дежнев. М., 1955. С. 54–55; *его же*. Подвиг Семена Дежнева. М., 1973. С. 78, 79; Русские мореходы... С. 46.

⁵ Степанов Н.Н. Первые русские сведения об Амуре и гольдах // Сов. этнография (далее – СЭ). 1950. № 1. С. 180. Позднее Н.Н. Степанов склонялся к версии составителей первого из названных сборников (Степанов Н.Н. Русские экспедиции на Охотском побережье в XVII веке и их материалы о тунгусских племенах // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 188. Исторические науки. Л., 1959. С. 184). См. примеч. 15.

⁶ Белов М.И. Подвиг Семена Дежнева. С. 79.

⁷ Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан, 1989. С. 170–171.

⁸ Там же. С. 265.

⁹ Открытия русских землепроходцев... С. 127. В другой публикации – *немила* (Русские мореходы... С. 47).

¹⁰ См.: Полевой Б.П. Первооткрыватели Камчатки // Норд-Ост. Петролавловск-Камчатский, 1984. С. 6–8.

¹¹ Белов М.И. Семен Дежнев. С. 55.

¹² Дополнения к актам историческим. Т. II. С. 240.

¹³ Там же. С. 243.

¹⁴ Юкагирская антропонимика в документах почти не распознается по двум причинам: ввиду недостатка

лексического материала по юкагирскому языку и в силу того, что юкагирские личные имена не имеют каких-либо морфологических характеристик. Несколько лучше опознаются тунгусские (эвенкийские и эвенские) личные имена, где известны антропонимические модели, в том числе особые суффиксы. Чукотские и корякские личные имена, сохранявшиеся в употреблении до 40-х годов нашего века и ставшие в наши дни фамилиями, являются практическими живыми, и их интерпретация наиболее надежна.

¹⁵ Открытия русских землепроходцев... С. 552; Топонимический словарь Северо-Востока СССР. С. 274.

¹⁶ Русские мореходы... С. 46. Именно такое объяснение М.И. Белов пытался дать названию р. Нелога.

¹⁷ Топонимический словарь Северо-Востока... С. 324–325.

¹⁸ *Куваев О.М.* Два цвета земли между двух океанов // *Куваев О.М.* Дневник прибрежного плавания. М., 1988. С. 87.

¹⁹ *Богораз В.Г.* Чукчи. Т. 1. Л., 1934. С. 34. Указанное в тексте мнение повторяли Л.С. Берг, С.В. Бахрушин. Ныне эту точку зрения активно отстаивает Б.П. Полевой (*Полевой Б.П.* Указ. раб. С. 6–10). См. также: *Алексеев А.И.* Сыны отважные России. Магадан, 1970. С. 10.

²⁰ *Олсуфьев А.В.* Общий очерк Анадырской округи // Зап. Приамурского отдела ИРГО. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1896. С. 20.

²¹ Под названием "Анадырь" в географических указателях к обоим названным выше сборникам документов помещены все названия, рассматриваемые в настоящей статье (см.: Открытия русских землепроходцев... С. 547–557; Русские мореходы... С. 370–376). Ныне той точки зрения, согласно которой Погыча – это р. Анадырь, придерживается, кажется, лишь В.М. Пасецкий (см.: *Пасецкий В.М.* Звездные мгновения Арктики. М., 1995. С. 27, 30). Исходя из этого, он делает вывод, что р. Анадырь могла быть достигнута морским путем еще за несколько лет до плавания Дежнева.

²² *Белов М.И.* Подвиг Семена Дежнева. С. 78–79.

²³ Открытия русских землепроходцев... С. 215.

²⁴ Там же. С. 222; Русские мореходы... С. 60.

²⁵ Открытия русских землепроходцев... С. 263–264.

²⁶ Там же. С. 260. В данном документе имеется пропуск даты; по другим источникам, день возвращения из похода – 7 сентября (Дополнения к актам историческим. Т. IV. СПб., 1851. С. 13).

²⁷ Открытия русских землепроходцев... С. 302. В другом издании (Русские мореходы... С. 205–206) читается "Нанандара да Чандон".

²⁸ Открытия русских землепроходцев... С. 275.

²⁹ Русские мореходы... С. 67.

³⁰ Открытия русских землепроходцев... С. 291; Русские мореходы... С. 60–61.

³¹ Открытия русских землепроходцев... С. 289.

³² Дополнения к актам историческим. Т. III. СПб., 1848. С. 331.

³³ Русские мореходы... С. 246.

³⁴ Открытия русских землепроходцев... С. 35. См. также док. № 87 на с. 259–260.

³⁵ Русские мореходы... С. 65.

³⁶ Открытия русских землепроходцев... С. 221–222; Русские мореходы... С. 59–60; во втором сборнике с неисправленной ошибкой в чтении "концы" вместо верного "кольцы".

³⁷ В речи чаунских чукчей, живущих и ныне на о-ве Айон, их самоназвание звучит как *чувчыв*, что делает излишней гипотезу о заимствовании русскими этнонима "чукчи" от юкагиров.

³⁸ *Куваев О.М.* Указ. раб. С. 77.

³⁹ Топонимический словарь Северо-Востока... С. 316.

⁴⁰ *Полевой Б.П.* Указ. раб. С. 8–9.

⁴¹ *Белов М.И.* Подвиг Семена Дежнева. С. 79.

⁴² *Полевой Б.П.* Указ. раб. С. 10.

⁴³ Открытия русских землепроходцев... С. 235; Русские мореходы... С. 63.

⁴⁴ *Белов М.И.* Подвиг Семена Дежнева. С. 80.

⁴⁵ Открытия русских землепроходцев... С. 259; Русские мореходы... С. 63.

⁴⁶ Открытия русских землепроходцев... С. 276.

⁴⁷ Цит. по: *Белов М.И.* Подвиг Семена Дежнева. С. 167. М.И. Белов обратил внимание на то, что приводимый фрагмент текста сходен с текстом челобитной Юрия Селиверстова 1649 г. (Русские мореходы... С. 206), где названия четырех рек "за Колымою рекою" опущены (*Белов М.И.* Подвиг Семена Дежнева. С. 168). Если "Список с чертежа Сибирской земли" 1673 г. в самом деле содержит сведения, ставшие известными в конце 40-х годов XVII в., то это означает, что вскоре после ухода Дежнева в плавание нижнеколымские казаки – вероятнее всего, отряд под командой Стадухина – достигли района мыса Сердце-Камень, а вовсе не мыса Шелагский или какой-то иной местности в районе Чаунской губы.

⁴⁸ Топонимический словарь Северо-Востока СССР. С. 208.

⁴⁹ Там же. С. 432.

⁵⁰ *Белов М.И.* Подвиг Семена Дежнева. С. 167–168.

⁵¹ Топонимический словарь Северо-Востока СССР. С. 137, 150, 196, 379.

⁵² Там же. С. 131–132, 153.

⁵³ Белов М.И. Подвиг Семена Дежнева. С. 79, 171.

⁵⁴ Топонимический словарь Северо-Востока СССР. С. 302–303.

⁵⁵ Там же. С. 84, 208, 213. Название р. Белая, видимо, перевод чукотского названия оз. Эльгыгытгын (Белое озеро), из которого вытекает р. Энмываам, один из истоков р. Белой.

⁵⁶ Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974. С. 68–70.

A. A. B u r k i n. Neloga, Pogycha, Kovycha – Legendary Rivers of Russian Documents in the Middle of XV th Century and Modern Map of Chukot

The subject of this article is the names of three rivers which are traditionally considered as legendary. In literature these hidronyms were identified with different geographical objects but their origin and language belonging didn't get an explanation.

The author of the article made a complex filological analysis of the documents which had the information about the three legendary rivers. The subject-matter of these documents and the onomastic material is received the analysis. This article gives the results of this analysis.